

Сергей Абдалов

A black and white artistic photograph featuring three human silhouettes standing in a dark, misty environment. The central figure is the largest and most prominent, with a bright, ethereal light emanating from behind their head and shoulders, creating a halo effect. Two smaller, identical-looking silhouettes stand on either side of the central figure, slightly behind and to the left and right. The overall atmosphere is mysterious and surreal.

РЕЦЕПТ
КОРЖЕЙ

18+

Сергей Абдалов

Рецепт коржей

<https://litres.ru/74265399>

SelfPub; 2026

Аннотация

В старом доме на окраине Твери живет Игнат Савельевич — милый пенсионер, ветеран труда и почетный гражданин.

Под этой маской скрывается хладнокровный душегуб, для которого убийство — высокое искусство препарирования плоти ради идеальной формы.

Но главной миссией последнего десятилетия Игнат Савельевич считает похищение соседской девочки Лизы, пугающе похожей на его мертвую сестру...

Содержание

От автора	4
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Рецепт коржей

От автора

Дорогие читатели!

Я категорически осуждаю любые проявления насилия — как физического, так и психологического. Ни один из сюжетов книги не является призывом к действию или оправданием жестокости в реальной жизни.

Моя повесть, которую вы держите в руках или открыли на экране своего устройства — это художественный триллер о мрачных тайнах старого дома на окраине Твери и человеке с лицом доброго дедушки, внутри которого живет душегуб. Это вымысел, игра теней, созданная для того, чтобы пощекотать вам нервы долгими осенними вечерами.

Но я хочу остановить вас перед тем, как перевернуть первую страницу, и сказать несколько слов о реальности. О той границе, где заканчивается литература и начинается настоящая жизнь, потому что настоящие монстры не прячутся в заброшенных подвалах. Они ходят среди нас. У них обычные лица, спокойные голоса, они могут быть вашими соседями по лестничной клетке, вежливыми попутчиками в ав-

тобусе или улыбчивыми прохожими. И их жертвы часто боятся кричать.

Поэтому сейчас я обращаюсь к вам не как писатель, а как человек.

Если вы видите подозрительные действия со стороны взрослых по отношению к ребенку: излишне тесный телесный контакт там, где он неуместен, пугающую настойчивость во взгляде, скрытую агрессию под маской заботы, попытки увести ребенка подальше от чужих глаз или предложение «особой дружбы» за закрытыми дверями — не проходите мимо. Ваше секундное замешательство может стоить кому-то искалеченного детства. Не умалчивайте это из страха показаться смешным, нетактичным или вмешивающимся не в свое дело. Нет чужой беды, когда речь идет о безопасности ребенка.

А ещё существуют абыюзеры. Гоните таких людей из своего общества. Высказывайте им своё презрение. Лишите их главного оружия — равнодушия окружающих и права на безнаказанность в тени общественной слепоты. Сообщайте участковому, пишите заявления, требуйте проверки. Пусть лучше десять раз тревога окажется ложной, чем один раз ваше молчание станет соучастием. Создавайте среду, в которой подобное поведение будет вызывать мгновенный соци-

альный остракизм.

И самое главное. Когда вы становитесь свидетелем странного, неправильного общения взрослого с ребенком — мужчины, который слишком долго угощает школьницу конфетами, или женщины, которая уговаривает плачущего малыша сесть в машину — незамедлительно обращайтесь в полицию. Прямо сейчас. Набирайте **102** или **112**. Поднимайте шум. Привлекайте внимание других прохожих. Фотографируйте номера машин, запоминайте приметы. В вопросах защиты детей паранойя всегда лучше трагедии. Лучше ошибиться и извиниться, чем пройти мимо и потом годами жить с грузом собственного бездействия. И главное: учите своих детей не стесняться кричать в толпе и просить помощи у полицейского патруля. Полицейский для ребёнка — друг!

Эта книга закончится. Но улицы вашего города никуда не исчезнут после последней страницы.

Читайте мои истории ради крепкого сюжета, но живите, пожалуйста, с широко открытыми глазами. Защищайте тех, кто слабее. Ваша бдительность сегодня — чьё-то спасенное завтра.

Сергей Абдалов

Глава 1

Меня зовут Игнат Савельевич. Мне семьдесят два года, у меня трясутся руки, когда я наливаю чай, а левый глаз слезится от сквозняков. Соседи называют меня «божьим одуванчиком». Я всегда угощаю их внуков и детей карамельками «Дюшес», уступаю место в очереди за молоком и громко сетую на боли в пояснице. Мой пиджак вечно пахнет нафталином и сушеным чабрецом. По пятницам я играю с мужиками в домино, за столиком, под старой ивой, а к вечеру спешу к телевизору смотреть «Поле чудес».

Милый, безобидный дедушка. Идеальная маска.

Сегодня среда. В среду ко мне приходит почтальонша Зиночка — молодая, румяная деваха с глупыми глазами. Она приносит бесплатную газету с телепрограммой. Сегодня Зиночка задерживается на пороге ровно на сорок секунд дольше положенного. Ей нравится запах моего дома — запах старого дерева и пчелиного воска. Этот запах она принимает за дорогой трубочный табак или церковный ладан. Дурочка.

Я смотрю, как она мнётся в прихожей, теребит ремешок своей сумки, и чувствую, как внутри старой грудной клетки просыпается знакомый холод. Тот самый, что не даёт мне спать по ночам уже сорок с небольшим лет. Он поднимается

от па́ха к горлу, заставляя пальцы подрагивать чуть сильнее обычного. Но лицо моё остается прежним: добрая, немного уставшая улыбка человека, который всю жизнь честно отпахал на заводе.

— А вы мне рецепт коржей обещали, — напоминает она, облизывая пересохшие губы. — Давайте я к вам вечером загляну. И чай попьюм...

Я качаю головой. Чай мы будем пить позже. Когда стемнеет. У меня в подвале для этого есть специальный старый самовар, медный бок которого до блеска натёртый песком. И новые гвозди. Трехдюймовые, оцинкованные. Я купил их вчера в хозяйственном магазине на другом конце нашего посёлка.

Зиночка уходит, оставив после себя шлейф дешевого цветочного парфюма. Я закрываю дверь на оба замка и тяжелую цепочку. Слушаю, как затихают ее шаги. Затем медленно спускаюсь в подвал. Мастерская. Стены обиты звукоизоляцией, которую я вырезал и подогнал сам, миллиметр к миллиметру. Ни один звук отсюда не вырвется наружу. Даже если кричать очень долго. Комната напоминает операционную построенную внутри крематория. Эту печь я выкладывал почти год, а сам подвал расширял более трёх лет. Тогда я ещё только вышел на пенсию и обладал достаточной физической силой. И большим запасом времени.

Там прохладно и пахнет сырой землей. В углу стоит бочка с прошлогодней квашеной капустой — отвлекающий дезодорант для неожиданных гостей.. Рядом лежат инструменты, разложенные на чистой белой тряпице, словно хирургические инструменты перед сложной операцией. Молоток, ножовка по металлу, щипцы и банка с мёдом. Липким, тягучим.

Сверху, над подвалом, старинные часы с кукушкой пробили семь вечера. Пора кипятить воду. Сегодня будет длинный вечер, полный важных разговоров. Зиночка ведь так хотела узнать рецепт моих фирменных коржиков. Что ж, она его узнает. Правда, записать уже не сможет.

Она вернулась в двадцать один пятнадцать. Солнце уже село за промзону, и двор погрузился в густую фиолетовую тень. Я наблюдал за ней из окна кухни через щель между ситцевыми шторами. Зиночка шла быстро, почти бежала, прижимая к груди бумажный пакет из местной булочной.

— Игнат Савельевич, я вам сушек принесла! С маком! — прощebetала она с порога, протягивая мне кулек. Щёки ее горели от быстрой ходьбы.

Я принял гостинец дрожащими руками, рассыпался в бла-

годарностях и долго возился с чашками, создавая видимость старческой неуклюжести. Главное правило: жертва не должна почувствовать напряжения. Она должна чувствовать себя хозяйкой положения.

Мы прошли на кухню. Я поставил чайник, достал две чашки в синий горошек. Зиночка села за стол, болтая ногой.

— А где же обещанный секрет? — спросила она, хитро прищурившись. — Вы говорили про какие-то особенные коржики.

— Ох, память моя дырявая, милая, — улыбнулся я беззубым ртом. — Совсем склероз одолел. Пойдёмте, покажу. У меня все ингредиенты внизу, в прохладе. Мука нынче портится быстро, жучок заводится.

Ее глаза вспыхнули азартом. Любопытство — самый надежный крючок. Особенно у тех, кто мало что видел в жизни кроме своего почтового отделения.

Я спустился первым, нарочито тяжело опираясь на перила. В подвале было темно, но я знал здесь каждый сантиметр. Лампочка под потолком загорелась тусклым жёлтым светом, выхватывая из мрака бочку с капустой и бетонный пол.

— Где же мука-то? — Зиночка сделала шаг вперед, оглядываясь. — Темно как у...

Договорить она не успела. Мой старый фонарь ударил ей точно в переносицу. Не сильно, чтобы не раскроить череп сразу, а ровно настолько, чтобы залить глаза слезами, сломать хрящ носа и лишит ориентации. Она вскрикнула коротко, по-щенячьи, и осела на колени.

Я действовал стремительно. Старость дает преимущество — никто не ждёт скорости от дряхлого пня. Пока она пыталась зажать разбитый нос трясущимися руками, я накинул ей на шею бельевую веревку, перехваченную узлом. Петля затянулась мягко, без резкого хруста гортани. Мне нужно, чтобы она могла говорить. Кричать — нет, дышать — с трудом, но говорить — обязательно. Натужно, давясь слезами... Это то, ради чего я живу...

— Тише, девочка, тише, — прошептал я ей на ухо, когда она забилась в конвульсиях. — Ты же сама хотела рецепт. Вот он сейчас и начнётся.

Я повалил ее на спину и сел на грудь. Распластав руки, лихорадочно начал прибивать ладони к полу теми самыми новыми гвоздями. До самой шляпки.

После, сел перед ней на перевернутое ведро. Закурил дешевую папиросу «Прима». Дым приятно обжег легкие.

— Видишь ли, Зинуля, — начал я, пуская сизые кольца в

сырой воздух. — Главный секрет моих коржиков не в тесте. Он в начинке. Люди думают, что самое вкусное — это то, что снаружи. Сахарная пудра, глазурь... А настоящее лакомство всегда прячут внутри. Глубоко-глубоко. Чтобы достать его, нужно аккуратно снять верхний слой. Не торопясь. Чувствуя пальцами каждую жилку.

Она задергалась сильнее, почувствовав холод ножовки, которой я провел по ее животу, перед этим разорвав платье.

— Не бойся, — ласково сказал я, наклоняясь ниже. — Я буду очень аккуратным. Как ты просила. Мы ведь никуда не торопимся, правда? До следующего газетного номера еще далеко. Нас никто не хватится до самого утра.

Зиночка затихла. Не потеряла сознание, нет — я бил расчётливо, только чтобы оглушить на пару минут и не дать ей задохнуться в истерике раньше времени. Только грудь ходила ходуном, да пальцы босых ног мелко скребли пол.

Я люблю этот момент больше всего. Точка абсолютного смирения. Когда человек понимает, что старый пиджак, трясущиеся руки и запах чабреца были самой грандиозной ложью в его жизни. В глазах у них всегда проскальзывает одно и то же: детское недоумение. Как будто их обманул фокусник, вот только из шляпы этого фокусника вместо кролика

достали ржавую ножовку.

— Вот и умница, — пробормотал я, стряхивая пепел в стеклянную пепельницу. — Сейчас мы с тобой начнем настоящую кулинарию.

Работа требует методичности. Я никогда не тороплюсь. Спешка порождает ошибки, а ошибка для меня — это шум. Соседка Клавдия с соседнего дома уже год жалуется управдому на странные звуки с моей стороны. Ей чудится визг дрели по ночам. Дура старая. Если бы она услышала настоящий звук, который раздается здесь, под слоем звукоизоляции, ее бы парализовало.

Я снял с гвоздя тяжёлый прорезиненный фартук мясника. Старый, весь в застывших брызгах, которые при свете тусклой лампочки кажутся засохшим вишневым вареньем. Надел плотные кожаные краги. Руки должны быть защищены. Мало ли, дёрнется девчонка неловко, когда щипцы коснутся кости, зацепит ногтями — зачем мне лишняя инфекция? Мне еще жить да жить, пенсию получать.

Я начал с пальцев левой руки. Это моя визитная карточка. Мой фирменный почерк, о котором мне бы хотелось рассказать всему посёлку. Пальцы нужны человеку не для того, чтобы креститься или держать стакан. Они — хранилище

памяти. Подушечки хранят тепло чужих рук, они впитывают запах страха. Я забираю эти воспоминания вместе с фалангами. Аккуратно, сустав за суставом. Секатор берет кость легко, почти без сопротивления, нужно лишь правильно направить зубья. Главное — вовремя перехватывать струйку крови старым вафельным полотенцем. Пол в моем подвале должен оставаться сухим. Скользящий пол — это непрофессионально.

Зиночка пришла в себя от первого хруста. Её тело выгнулось дугой, глаза вылезли из орбит, но гвозди держали крепко. Из горла вырвался хриплый прерывистый вой. Отчаянный, утробный. Звук заблудившейся в трубе бури. Кричи, девочка. Порадуй меня...

Я наклонился к самому ее лицу. Мои глаза, обычно мутные и слезящиеся, сейчас смотрели остро и ясно. Два кусочка синего льда.

— Громче, Зинушка, — прошептал я, чувствуя как нарастает вожделение. — Ты нарушаешь технологию. Видишь, как ровно идет полотно? Ни одной зазубрины. Хочешь знать, почему коржики получаются такими рассыпчатыми? Потому что в тесто нельзя пускать панику. Паника делает начинку горькой. Расслабь челюсть. Почувствуй... вкус момента.

Она смотрела на свою левую руку, точнее, на то место,

где она заканчивалась окровавленным лохматым обрубок. Смотрела так пристально, словно пыталась понять сложный чертёж. Я мягко прикоснулся к этой руке губами, целуя её в знак...благодарности. А потом взгляд Зиночки поплыл. Зрачки закатились, показав желтоватые белки. Обморок.

Разочарование тонкой иглой кольнуло меня под ребра. Слишком рано. Она пропустила самое интересное. Какой же я дурак...

— Эх, молодежь, никакого терпения, — вздохнул я, откладывая секатор. Достал из кармана фляжку с нашатырным спиртом. Пара секунд резкого запаха под нос — и веки снова дрогнули.

— Мы продолжаем, — улыбнулся я, беря в правую руку широкие садовые клещи. — Теперь займемся твоим голоском. Он слишком громкий для рецепта. Нужно сделать его интимнее.

Металл щипцов впился в корень языка. Ноги девушки затряслись, словно она наступила на оголённый электрический провод.

Кровь в подвале пахнет иначе, чем на открытом воздухе. Там она быстро темнеет и сворачивается, превращаясь в обычную грязь. Здесь же, в бетонной сырости, смешиваясь

с запахом квашеной капусты и пчелиного воска, она обрывает густой, тяжёлый аромат перезрелого инжира. Я дышу этим воздухом глубоко, полной грудью. Он прочищает голову лучше всякого нашатыря.

Зиночка больше не мычала. Клещи сделали свое дело — язык теперь лежал у нее во рту бесполезным, бесформенным куском мяса. Глаза были открыты, но смотрели уже не на меня и даже не на свою изувеченную руку. Они смотрели сквозь потолок, сквозь перекрытия моего дома, куда-то туда, где по мнению верующих находится рай. Только вот для таких, как Зиночка, никакого рая нет. Есть только мой подвал.

Я закончил с левой рукой и перешёл к правой. Работа спорилась. Когда заканчиваешь третий десяток лет в этом ремесле, тело начинает работать само. Мышцы помнят угол наклона лезвия, пальцы чувствуют вибрацию кости за секунду до того, как она треснет. Это похоже на игру на баяне: если ты родился с инструментом в руках, тебе не нужно смотреть на клавиши.

— Знаешь, почему я выбрал именно тебя? — спросил я, методично обматывая культю очередной руки тугим жгутом, чтобы остановить алый фонтанчик. Она моргнула медленно, тяжело. В ответном взгляде плескалось чистое безумие.

— Не потому, что ты почтальон. Почтальоны приходят и уходят. А потому, что твои глаза... У моей младшей сестры, Лидочки, были точно такие же. Большие, коровьи, испуганные. И веснушки на переносице.

Воспоминание кольнуло старой иглой. Тверь, шестьдесят пятый год. Тот самый старый дом на окраине, только тогда он был новым, полным детского смеха и запаха свежей краски. Алкоголик отчим как обычно пришёл домой злой как чёрт. Как обычно он побил меня, маму и Лидочку. И всё бы окончилось как обычно... Но в тот день всё пошло не так. Мать лежала в огромной лужи крови, а Лидочку отчим завёл к себе в комнату. Я всё слышал. Даже заступился за сестру, но отчим тогда сломал мне челюсть, пнув в лицо. Ему дали условку. Мама упала сама. Лидочку он не трогал...

Её он стал забирать в свою комнату с пугающей частотой. А иногда не забирал. И я видел всё своими глазами. Избитый до состояния открытых ран, я сидел в углу и смотрел. Бледное, испуганное лицо моей сестрички... Какое оно было... красивое...

Закончив со второй рукой, я отложил ножовку. Теперь предстояла самая тонкая часть работы. Та, ради которой все затевалось. Сердце. Оно должно быть извлечено максимально чисто. Без разрывов желудочков. Мне нужна целая мыш-

ца. Дня через четыре ко мне обещал зайти участковый Митрофанов — принести справку о льготе на уголь. Старый служака любит выпить. Я угощу его самогоном. А на закуску подам тонкие беляши, фарш для которых будет выдержан в специях трое суток. Это моя вторая слабость.

Я взял болгарку и нажал кнопку.

— Расслабься, милая, — прошептал я, делая первый надрез от солнечного сплетения вверх. — Сейчас будет немного прохладно. Зато совсем скоро ты станешь частью чего-то вечного. Частью моего гостеприимства. Разве не этого хочет каждый человек?

Диск прошел сквозь кожу легко, словно сквозь пергамент. Запах жжёной кости ударил в нос с новой силой. Тишина в подвале разорвалась диким криком. Даже капанье крови казалось святотатством в этой обстановке. Я засунул руку в раскрытую плоть девушки по локоть и сжимая её сердце глухо застонал, наконец получив то фантастическое удовольствие, которое я испытал однажды сидя на сундуке, в котором прятались Лидочка от отчима. Я почувствовал как мои трусы снова намокают от оргазма, становясь липкими и неудобными...

Глава 2

Утро выдалось на удивление ясным. Солнце заливало старый посёлок таким пронзительным светом, что казалось, небо омыли хлоркой. Ни единого облака. Идеальная погода для похорон или для визита к начальнику почты.

Я проснулся ровно в пять утра без будильника — старая привычка, выработанная строгим воспоминанием: сначала отчимом, потом службой в морфлоте. Спал я всегда крепко, даже зная, что в печи, в подвале, уже догорают останки очередной добродушной дурочки. Сон плотоядного животного: глубокий, восстанавливающий.

Процедура утреннего туалета заняла сорок минут. Зарядка пятнадцать. Нужно быть безупречным. Я тщательно выбрил лицо опасной бритвой — той самой, трофейной, с перламутровой ручкой, которой пользовался ещё мой отец. Протёр слезящийся глаз свежим чайным пакетиком. Натер лицо «Тройным» одеколоном так усердно, что кожа покраснела и приобрела вид здорового старческого румянца. Надел чистую рубашку в едва заметную полоску, выглаженный костюм. Поверх — свой лучший пиджак, тот самый, пахнувший нафталином. Но сегодня я добавил пару капель лавандового масла на рукава. Лаванда вызывает доверие у женщин сред-

него возраста.

В восемь ноль пять я вышел из дома. Калитка скрипнула намеренно громко — пусть соседи слышат, старый хрыч Игнат Савельевич пошел по делам, он человек привычки.

До районного узла связи идти пятнадцать минут неспешным шагом шаркающей походки. По пути я трижды останавливался, чтобы поздороваться со случайными прохожими, жаловался одной бабке на радикулит и долго рассматривал сломанную ветку яблони. Театр абсурда, где я играю главную роль уже полвека.

Здание почты встретило меня запахом сургуча. За толстым стеклом окошка номер четыре сидела Маргарита Павловна — женщина-гора с химической завивкой. Ее щёки дрожали от праведного гнева.

— Доброго здоровьица, Риточка! — пропел я, облакачиваясь на стойку. Голос звучал надтреснуто, как расстроенное пианино. — А где же наша Зиночка? Что-то голубушка моя вчера газетку так и не занесла. Не захворала ли?

Маргарита Павловна отложила ручку. В ее глазах блеснуло профессиональное раздражение чиновника, чью работу пытаются взвалить на чужие плечи.

— Какая вам разница, Игнат Савельевич? — буркнула она. — У нее отгул на сегодня, за свой счет взяла. Личная жизнь у нее, видите ли! Телефон вон городской обрывают, кавалер какой-то новый нарисовался. Придет ваша газета, никуда не денется.

Она говорила это автоматически, глядя в монитор. Отгул. Кавалер. Какая восхитительная, удобная ложа для моего алиби. Если вечером кто-то начнет искать девушку, первой версией будет бегство с любовником. Люди обожают простые и пошлые объяснения.

— Ох ты ж господи, — всплеснул я руками, изображая сердечный приступ добродушия. — Ну слава богу, что жива-здорова. Любовь дело молодое, пускай гуляет. Я тогда пойду, Ритуль, хлеба куплю.

Я покинул почту в девять пятнадцать. Алиби построено идеальное. Теперь можно было снять маску суетливого пенсионера. Спина распрямилась, шаги стали твердыми и тяжелыми. Я свернул не к хлебному магазину, а в сквер возле Дома культуры. Сел на скамейку под тенью старого вяза и закурил. Время тянулось медленно.

А потом я увидел её.

Она шла по аллее со стороны многоквартирных домов.

На ней было легкое ситцевое платье в мелкий цветочек — белый фон, синие незабудки. Совсем как то платье, в котором нашли Лидочку. Девушка смеялась чему-то в телефон, встряхивая копной рыжих волос. Веснушки густо усыпали ее переносицу и щеки. Она была моложе Зиновки лет на десять, но природа словно решила повторить свою самую удачную ошибку.

Мои руки, спрятанные в карманах брюк, сжались в кулаки. Ногти впились в ладони до боли. Медный вкус во рту смешался со слюной. Холод внутри грудной клетки начал свое привычное восхождение. Он поднимался от желудка к горлу, вымораживая гортань.

Рыжая остановилась прямо напротив моей скамейки. Достала из сумки бутылку воды, открутила крышку. Наклоняя голову, она провела рукой по шее, задержавшись на груди.

Телефон выскользнул из ее пальцев и упал на асфальт с тихим пластиковым стуком. Девушка чертыхнулась, присела на корточки, чтобы его поднять. И оказалась точно на уровне моих колен.

Ее волосы упали вперед. Запахло дешевым яблочным шампунем и летней пылью. Она была совсем рядом. Достаточно протянуть руку, коснуться плеча и сказать: «Девушка, вы обрели». А потом предложить проводить до дома, по-

тому что в старых районах такие плохие тротуары, недолго и ногу подвернуть доброму человеку.

Я смотрел на ее затылок, на тонкую линию позвонков под кожей. Сердце ударило в ребра глухо, как колокол. Это знак.

Она поднялась, убрала телефон. Посмотрела на часы, охнула и побежала дальше по улице, помахав кому-то рукой. Через секунду скрылась за углом пятиэтажки.

Сквер снова опустел. Сигарета дотлела до фильтра и обожгла пальцы, возвращая меня в реальность. Боль привела мысли в порядок. Нет. Нельзя сейчас. Слишком светло. Слишком людно. Мой дом любит темноту.

Но решение было принято. Я узнал адрес этой пятиэтажки — видел табличку, когда шел сюда. Дом шесть дробь два. А потом я незаметно шёл за ней. Третий этаж, квартира направо. Старая деревянная дверь с потертой дерматиновой обивкой.

Вечером. Сегодня ночью, когда она вернется со свидания. Когда выпьет вина и станет сонной, доверчивой. Я принесу ей пирожков. Старики вечно таскают соседям домашнюю выпечку, никто не откажется. Да и соседей никто не знает в лицо.

Я вышел на улицу. Впервые за много лет мое отражение в

темном стекле автобусной остановки показалось мне молодым. Или просто очень голодным. Всё что мне нужно сделать — это познакомиться с этой девочкой. Войти к ней в доверие, а потом пригласить, будто бы на дачу и помочь с уборкой. Пообещать заплатить или намекнуть на то, что я один, и после моей смерти некому будет оставить дом. Она должна купится. Она не первая...

Дом шесть дробь два поглотил меня своей сыростью. В подъезде пахло кошачьей мочой, жареной картошкой и застарелым табачным дымом — запахами чужой, тесной жизни. Я поднимался по ступеням медленно, прижимая к груди плетёную корзину. Коржики под вафельным полотенцем еще хранили тепло моих рук. Они казались мне сейчас нелепыми, как надгробный венок на детском празднике.

Третий этаж. Дверь квартиры направо.

Сквозь неё пробивалась музыка. Громкая, ритмичная, с рваным басом, от которого вибрировали старые батареи отопления. И женский смех. Высокий, залиvistый, совершенно трезвый. Смеялась она — та самая рыжая девушка с веснушками. А потом мужской голос что-то неразборчиво прорычал в ответ. Низкий, хриплый. Кавалер был на месте.

Он не ушёл. Он остался у нее на ночь.

И тут ледяной панцирь, который годами обволакивал мои внутренности, дал трещину. Огромную, зияющую дыру.

Корзинка выскользнула из ослабевших пальцев. Она упала на бетонный пол с глухим стуком. Полотенце откинулось, обнажив румяные бока выпечки. Запах печеных яблок ударил в нос приторно, тошнотворно. Меня замутило. Желудок скрутило спазмом такой силы, что я согнулся пополам, упираясь ладонями в колени.

Воздуха не хватало. Старые легкие отказывались работать. Сердце заколотилось где-то в горле, мешая сглотнуть вязкую слюну. Девушка была там, за этой дверью. Совсем рядом. Моя Лидочка вернулась, чтобы снова смеяться в чужих объятиях. Но теперь между нами стояла эта стена, этот мужчина, его потное молодое тело, его наглость, его право на ее жизнь.

Я всегда работал чисто, когда жертва была одна. Одиночество делает человека доверчивым. Двое же... двое порождают хаос. Шум. Борьбу. Кровь пачкает всё вдвое быстрее, а следы путаются. Если парень кинется защищать ее, если он окажется хотя бы в половину таким крепким, каким выглядит сквозь дверь... Мне семьдесят два года. Мои кости хрупки, как сухое печенье. Один точный удар кулака моло-

дого зверя сломает мне больную челюсть или ключицу. Боль оглушит меня, лишит расчётливости. Я превращусь из мастера в обычного грязного старика-преступника, визжащего на полу. Это недопустимо. Мой труд — это высокое искусство, а не пьяная поножовщина в панельном доме.

Слёзы — горячие, едкие — сами собой покатались по моим щекам, застревая в глубоких морщинах. Я плакал от бессилия. От того, что вожделение, черная дыра внутри меня, столкнулось с несовершенством реальности. План рассыпался.

Я сполз спиной по стене прямо на холодный пол лестничной площадки. Сел на корточки, подтянув колени к груди, словно пытаюсь свернуться обратно в утробу. Сунул костяшки пальцев в рот и начал грызть ногти — жест, который не позволял себе лет пятьдесят, с тех пор как вышел из детской колонии. Вставные зубы скрипнули, сорванный край ногтя зацепился за десну, пошла кровь. Физическая боль немного отрезвила разум, но руки продолжали трястись.

— Спокойно, Игнат, — прохрипел я себе под нос, давясь слезами и металлическим привкусом крови. — Тише. Ты просто дедушка. Заблудившийся старый дурак. Пришёл угостить детишек пирожками. Уходи.

Я заставил себя подняться. Ноги были ватными, чужи-

ми. Наклонился, поднял корзинку. Аккуратно накрыл остывающую выпечку полотенцем. Вытер лицо рукавом своего лучшего пиджака, окончательно размазав грим добродушия. На меня из темноты окна на площадке смотрел настоящий монстр: седые всклокоченные волосы, безумные глаза, струйка крови изо рта.

Развернувшись, я пошел вниз. Я покинул дом шесть дробь два так же незаметно, как вошел. Никто не выглянул из дверей. Никому не было дела до плачущего старика с корзинкой.

На улице я остановился под фонарем. Достал из кармана платок, высморкался, прочистил горло. Поправил съехавший набок узел галстука. Лицо снова стало лицом Игната Савельевича — уставшего, немощного пенсионера. Только пальцы все еще дрожали мелкой дрожью.

Я шел домой, глядя себе под ноги. Внутри больше не было привычного холода. Там пылал сухой, раскаленный уголь унижения. Эта девчонка посмела выжить сегодня. Посмела остаться недосыгаемой.

«Ничего, — думал я, сжимая влажный платок в кармане до побелевших костяшек. — Ничего, милая. Парни приходят и уходят. А соседи остаются навсегда. Завтра утром ты вынесешь мусор. Или пойдешь выносить рассаду на балкон.

Ты будешь одна на секунду. Всего на одну маленькую секундочку. И тогда мы закончим наше маленькое дело. Обещаю».

Тишина подвала ждала меня. И новые гвозди лежали на верстаке, тускло поблескивая в свете одинокой лампочки.

Глава 3

Новое утро выдалось идеальным — душным и безветренным. Посёлок плавился в июльском мареве, асфальт под ногами пошел мягкой волной. Я надел чистую рубашку, но оставил пиджак на вешалке. Сегодня мне нужна была видимость крайней немощи, абсолютной уязвимости.

Я занял позицию у продуктового магазина «Пятерочка» ровно в десять утра. Место выбрано безупречно: прямо напротив ее подъезда. Она не могла пройти мимо меня, выходя за хлебом или молоком. В плетеной корзине, накрытые влажной марлей, лежали те самые коржики. Но сегодня внутри каждого из них, глубоко в яблочном повидле, был спрятан плотный комок растолченных таблеток димедрола и старого доброго феназепама. Смесь убойная: сначала сонливость, похожая на теплое одеяло, а затем провал в темноту часов на двенадцать. Никакого вкуса, никакого запаха. Только сладость.

Без четверти одиннадцать дверь ее подъезда скрипнула. На крыльцо вышла она. Легкое ситцевое платье, волосы собраны в небрежный пучок, в руке сумочка. Сердце пропустило удар, а затем забилось быстро-быстро, как пойманная птица.

Она пошла по направлению к магазину. Когда до входа оставалось метров пятьдесят, я вышел из тени тополя. Она не должна попасть в магазин. Лишняя ноша — улика. Я сделал несколько неуверенных шагов ей навстречу, прижимая ладонь к левой стороне груди. Лицо моё исказила гримаса боли — мышечная память театра военных действий сработала идеально.

— Де... девонька... — просипел я, пошатнувшись. Колени подогнулись сами собой. Корзинка выпала из рук, пара коржиков выкатилась на пыльный тротуар. — Ох... помилуй господи... Плохо...

Я рухнул на колени прямо перед ней, цепляясь скрюченными пальцами за край ее платья. Глаза закатились, изо рта потянулась тонкая ниточка слюны. Классический ишемический приступ. Максимально достоверно.

Девушка замерла от неожиданности всего на долю секунды. Молодость всегда пугается чужой смерти больше, чем нужно.

— Вам помочь? Дяденька, что с вами?! — ее голос дрогнул.

Она схватила меня за плечи, пытаясь удержать тяжелое тело от падения на асфальт. От нее пахло утренняя мылом

и мятной жвачкой.

— Там... таблетки... во внутреннем кармане... — прохрипел я, указывая дрожащей рукой на свою расстегнутую рубашку. — Нитроглицерин... сердце...

Её пальцы неловко зашарили по моей мокрой от липкого пота груди. Нашли коробочку. Трясущимися руками она вытряхнула таблетку мне под язык. Я позволил себе обмякнуть еще сильнее, почти повиснув на ней. Она была сильной для девочки, спортивная такая, килограмм на семьдесят молодой плоти.

— Тише-тише, сейчас пройдет, милая, — прошептал я, когда она начала озираться в поисках помощи. — Мне бы только домой добраться... Тут рядом совсем... Кварталов пару... Игнат Савельевич я, дом семьдесят восемь... Проводи Христа ради, боюсь упаду снова...

В ее глазах боролись страх и жалость. Оставить больного старика одного на улице было выше её сил. Идеальный крючок.

Дорога до моего дома заняла вечность. Я опирался на ее плечо всем весом, тяжело дышал, постанывал при каждом шаге. Мы шли медленно, привлекая внимание редких про-

хожих. Никто не подошёл — люди обходили чужое горе стороной, лишь ускоряя шаг. Наконец показалась моя калитка. Старая яблоня приветливо махнула нам веткой.

Как только мы переступили порог сеней, со мной произошло чудо исцеления. Воздух родного дома — густой, пахнувший сушеными травами, старым деревом окутал меня целебным коконом. Спина распрямилась. Дыхание выровнялось. Я перестал висеть на девушке мертвым грузом и твердо встал на ноги.

Она удивленно моргнула, заметив перемену, но списала это на действие лекарства.

— Вам лучше? Может, скорую вызвать?

— Что ты, деточка, какая скорая! — я улыбнулся своей самой обезоруживающей улыбкой, жестом гостеприимного хозяина приглашая ее в кухню. — Это всё духота проклятая. Дома-то оно полегче будет. Ты мне жизнь спасла, красавица. Как тебя звать-величать?

— Лена... — она все еще настороженно смотрела на меня, переминаясь с ноги на ногу, не решаясь проходить дальше порога.

— Леночка... — имя прокатилось на языке бархатным леденцом. — Проходи, проходи. Сейчас чайку заварю. С чабрецом. И долг мой верну. Я ведь вчера гостинцы готовил, да вот беда приключилась, рассыпал половину. Специально для таких светлых людей старался.

Я суетился у плиты, двигался быстро, по-молодому. Достал чистые чашки в синий горошек. Заварочный чайник фыркнул паром. Аромат свежезаваренного чая смешался с запахом старых обоев.

— Вот, угощайся, — я поставил перед ней блюдце. Румяный, глянцевый от масла коржик. Тот самый. — Мёд свой, пасека есть. Ешь, не стесняйся. Тебе силы нужны после такого стресса. Соседям помогать — богоугодное дело.

Лена смущенно опустила взгляд на стол. Ей бы уйти прямо сейчас. Иногда нужно говорить «нет». Даже таким как я: добродушным улыбающимся старикам. Но у Леночки прекрасные родители, которые научили девочку уважать старость. Она протянула руку, взяла коржик пухлыми пальчиками. Поднесла ко рту. Её ровные белые зубы впились в румяную корочку. Раздался тихий хруст. Она прожевала кусочек, проглотила. Запила горячим чаем.

Я смотрел на движение ее горла, на то, как пульсирует

жилка на шее, и почувствовал, как внизу живота разливается знакомое тепло. Оно поднималось выше, заполняло грудную клетку, вытесняя остатки притворной слабости. Руки перестали дрожать окончательно. Мои глаза стали сухими и ясными.

Это чувство нельзя назвать просто голодом. Это было предвкушение. То самое острое, пьянящее ощущение удачного завершения первого свидания, когда девушка уже согласилась зайти на чашечку кофе, закрыла за тобой дверь квартиры, и ты понимаешь: игра сыграна. Фигуры расставлены. Шах и мат неизбежен. Победа никогда еще не пахла так сладко — теплым тестом, яблоками и легким химическим привкусом растворяющихся таблеток.

Глава 4

Сон накрыл Лену почти мгновенно. Сначала её взгляд стал стеклянным, сфокусировавшись на узоре клеенки. Потом голова безвольно качнулась вперед, подбородок упал на грудь. Она начала заваливаться на бок со стула — медленно, как подрубленное дерево.

Я не бросился ее ловить. Я сидел напротив, смакуя остывающий чай, и наблюдал за процессом распада воли. Это самая красивая часть ритуала: переход от живого любопытства к абсолютной покорности материи. Когда она мягко сползла со стула на пол, я встал. Никакой спешки. У нас впереди целая ночь.

Поднять семьдесят килограмм бесчувственного тела для старика — задача нетривиальная, но у меня есть система. Я подтащил ее к люку в полу зала. Дернул за железное кольцо. Из подвала пахло холодом, сыростью и тем самым яблочным ароматом, который так любят мои гости. Перекинув руку девушки через свое костлявое плечо, я крикнул и поволок ее вниз по крутым ступеням. Ее голова безвольно билась о деревянные перекладки. Ритмично, словно метроном отсчитывает время до финала.

Деревянный пол встретил ее гулким стуком. Я оставил девушку лежать у стены, прямо на то самое место, где еще два дня назад корчилась Зиночка. Свет единственной лампочки выхватил из мрака бледное лицо Лены. Ни кровинки. Вся румяная свежесть юности, все эти веснушки и здоровый деревенский цвет лица разом исчезли, смытые волной снотворного. Кожа стала похожа на бумагу или снятое молоко.

Я сел на перевернутое ведро напротив нее, закурил папиросу и залюбовался. Эта мертвенная бледность... В ней было что-то невыразимо порочное. И тут память услужливо подбросила мне картинку из далекого шестьдесят восьмого года...

Сарай отчима. Затхлое сено. Сестра стоит на коленях. Ей уже пятнадцать, мне чуть больше. Отчим только что ударил ее пряжкой ремня по лицу. На ее белой щеке расплывается багровое пятно, а кожа вокруг него становится неестественно, фарфорово-белой. Лида не плачет. Она смотрит на меня огромными серыми глазами, и в них плещется такой ужас, такое понимание собственной ничтожности перед чужой силой... Отчим выходит во двор покурить, оставляя дверь приоткрытой. Я смотрю на эту белую щёку, на дрожащие губы сестры, и внизу моего живота впервые в жизни вспыхивает горячее, липкое, стыдное пламя. Не жалость. Желание...

Лена лежала точно так же. Раскинув руки, беззащитная.

Её бледность была зеркальным отражением того давнего сарая. Я затаился глубоко, чувствуя, как табак обжигает пересохшее горло. Мои пальцы мелко подрагивали уже не от старости. Внутри разгорался тот самый огонь. Но теперь я был взрослым. Теперь я знал — мне не помешают.

— Сейчас, милая, — прошептал я, наклоняясь к самому уху Леночки.— Дай дедушке подготовиться. Инструменты нужно протереть спиртом. Чистота — залог здоровья. Мы же не хотим занести инфекцию?

Я поднялся, чтобы взять с верстака новенькую пилу со стальными зубьями. Металл тускло блеснул. Я провел пальцем по зубьям, проверяя их остроту. Острие вошло в подушечку большого пальца легко, как в масло. Выступила капля крови. Я слизнул ее языком. Металлический привкус смешался с предвкушением.

В этот момент тишину дома разорвал резкий, требовательный трезвон дверного звонка.

Один длинный. Два коротких. Три длинных.

Мое тело окаменело. Ножовка по металлу выскользнула из пальцев и упала на бетон с громким лязгом, эхом прокатившимся по подвалу. Участковый Митрофанов. Старая ищейка. Принёс справку об угле сегодня, хотя я просил зай-

ти завтра. Нарушил график. Нарушил ритуал...

Сверху снова залились соловьем электрические трели. Настойчиво, нагло. Он знал, что я дома. Видел свет в кухонном окне со стороны калитки. Потом нужно будет убрать этот чёртov звонок. Пусть стучат. Такие древние как я не слышат стука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.